

ДЖОН СТЕЙНБЕК

ДОЛГАЯ ДОЛИНА

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С79

Серия «Эксклюзивная классика»

John Steinbeck
THE LONG VALLEY

Перевод с английского *Е. Романовой*

Серийное оформление *Е. Ферез*

Дизайн обложки *А. Чаругиной*

Печатается с разрешения The Estate of Elain Steinbeck
и литературных агентств McIntosh and Otis и Andrew Nurnberg.

Стейнбек, Джон.

С79 Долгая долина : [сборник] / Джон Стейнбек ; [пер. с англ. Е. Романовой]. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 320 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-110713-0

«Долгая долина» — сборник рассказов, впервые опубликованный Стейнбеком в 1938 году и утвердивший славу писателя как одного из ведущих мастеров американской прозы. Многие рассказы из этой замечательной книги уже переводились и включались в различные антологии, но целиком «Долгая долина» издается на русском языке впервые.

Герои рассказов Стейнбека — фермеры и рабочие, скучающие домохозяйки и мирные обыватели маленьких городков. На первый взгляд в их тихой жизни мало что происходит, — так откуда над мирным, уютным существованием тень какой-то смутной, необъяснимой угрозы? Почему обычные, неприметные люди в любую минуту способны обратиться в толпу кровавых личевателей, а скука домохозяек — стать драмой невозвратно погубленной жизни?..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© John Steinbeck, 1938, 1966
Школа перевода В. Баканова, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Хризантемы

Густой и мягкий, как серая фланель, туман скрывал долину Салинас от неба и всего остального мира. Подобно крышке сидел он на опоясывающих долину горах, отчего сверху она напоминала огромную закрытую кастрюлю. На широком ровном дне долины сверкали стальным блеском ровные пластинки черной земли, взрезанной острыми лемехами плугов. Скошенные поля на фермах у подножия гор будто купались в бледном солнечном сиянии, хотя в декабре никакого солнца здесь не было и в помине. Листья густого ивняка на берегах реки пылали ярким, жизнерадостным желтым огнем.

То было время тишины и ожидания. Воздух был прохладен и нежен. С юго-запада дул легкий ветер, будя в фермерах робкую надежду на скорые дожди; только ведь туман и дождь — явления несовместимые.

На другом берегу реки Салинас, у подножия гор, расположилось ранчо Генри Аллена. Работы в эту пору почти не было: сено давно скосили

и убрали в сараи, а вспаханные грядки терпеливо дожидались дождя. Скот на горных пастбищах обростал жесткой лохматой шерстью.

Элиза Аллен копалась в цветочных клумбах. Бросив случайный взгляд через двор, она заметила, что ее муж Генри беседует с двумя незнакомыми господами в деловых костюмах. Все трое стояли под навесом у трактора, маленького «фордзона», опираясь на него одной ногой: рассматривали машину, курили и о чем-то разговаривали.

Понаблюдав за ними с минуту, Элиза вернулась к работе. Ей было тридцать пять лет. На худом волевом лице блестели прозрачные, как вода, глаза. В садовой одежде она выглядела грузной и крепкой: на ногах тяжелые ботинки, черная мужская шляпа надвинута чуть не на самые брови, цветастое ситцевое платье почти полностью скрыто длинным вельветовым фартуком с четырьмя большими карманами для секатора, лопатки, скребка, ножа и семян. Грубые кожаные перчатки защищали руки от грязи и порезов.

Мощным секатором Элиза срезала сухие стебли отцветших хризантем, то и дело поглядывая на людей под навесом. Ее живое красивое лицо лучилось внутренней силой, и даже ножницами она работала чересчур усердно, чересчур напористо. Нежные хризантемы под таким напором сразу сдавались.

Элиза смахнула со лба выбившийся из шляпы локон и ненароком запачкала землей щеку. За ее спиной стоял аккуратный белый домик, по самые

окна заросший красной геранью. По всему было видно, как усердно его подметали и драили: окна ярко сверкали на солнце, у дверей лежал чистый коврик.

Элиза бросила еще один взгляд на навес: незнакомцы уже садились в свой «фордзон». Она сняла перчатку и погрузила сильные пальцы в молодую зеленую поросль хризантем, выросшую из старых корней. Разведя в стороны листья, она внимательно пригляделась к частым стебелькам, но никакой живности не заметила: ни тли, ни мокриц, ни улиток. Ее пытливые пальцы сразу уничтожали любых вредителей, стоило им завестись.

Элиза вздрогнула, услышав голос мужа: Генри подошел незаметно и прислонился к проволочной ограде, защищавшей ее цветник от скота, кур и собак.

— А, ты опять за свое! — сказал он. — Смотрю, хризантемы в этом году снова вымахают.

Элиза выпрямилась и надела снятую перчатку.

— Ну да, скорее всего. Поросль крепкая.

В ее голосе и выражении лица чувствовалось легкое самодовольство.

— У тебя прямо дар, — заметил Генри. — Желтые хризантемы в этом году чуть не десять дюймов в диаметре были! Работай ты в саду, может, и яблоки бы такие же уродились.

Элиза сверкнула глазами.

— Глядишь, и уродились бы! У меня дар, это ты верно заметил. От матери достался. Она хоть

сухую палку могла в землю воткнуть — та на следующий день листочки выпускала. Говорила, что у нее зеленые руки — такие знают подход к растениям.

— Ну, к цветам твои руки точно нашли подход.

— Генри, а с кем это ты сейчас разговаривал?

— Тьфу, да я ж затем и пришел, чтоб рассказать. Они из Западного мясного комбината. Я им тридцать трехгодовалых бычков продал! По хорошей цене.

— Молодец, — похвалила мужа Элиза. — Очень рада.

— И вот что я подумал: сегодня же суббота. Мы могли бы съездить в Салинас и поужинать в ресторане, а потом в кино сходить — ну, отпраздновать такое дело.

— С удовольствием, — повторила Элиза. — Повеселимся!

Генри сменил тон на шуточно-издевательский:

— Вечером будут бои. Не хочешь посмотреть?

— Вот уж нет! — выпалила Элиза. — Еще чего выдумал, бои!

— Да я же дурачусь, Элиза. Сходим в ресторан и в кино. Так, сейчас два часа. Я возьму Скотти и приведу с холма бычков. Это займет у нас пару часов, не больше. А в пять поедем в город и отужинаем в гостинице «Коминос». Как тебе такой план?

— Прекрасный план! Хоть от стряпни отдохну.

— Вот и славно. Пойду за лошадьми.

— А я как раз успею рассадить эту молодежь, — сказала Элиза.

Она услышала, как муж подзывает Скотти к сараю, а чуть позже увидела обоих мужчин на бледно-желтом склоне: они поехали за бычками.

Для молодой поросли Элиза приготовила небольшую квадратную клумбу с песком. Разрыхлив почву садовой лопаткой, она проделала в ней десять параллельных канавок для саженцев, потом вернулась к старой клумбе и стала выкапывать хрустящие зеленые стебельки, обрезать с них листья и складывать будущую рассадку в аккуратную кучку.

Тут издали донесся скрип колес и топот копыт. Элиза подняла голову. Сквозь густой ивняк и тополя на речном берегу вилась проселочная дорога, и по ней сейчас медленно катила диковинная повозка, запряженная старой гнедой клячей и маленьким бело-серым осликом. То был древний рессорный фургон с круглым крытым верхом, на каких в стародавние времена ездили переселенцы. На облучке сидел небритый здоровяк, а сзади, между колесами, степенно вышагивала поджарая дворняга. По брезенту шла надпись корявыми буквами: «Каструли, сковородки, ножи, ножницы, гозонокосилки. Чиню!» Длинный список наименований, а под ним — гордое и решительное: «ЧИНЮ!» Под каждой буквой Элиза заметила потеки черной краски.

Она сидела на корточках и дивилась на проезжающий мимо расхлябанный фургон. Вот только мимо он не проехал, а со скрипом и скрежетом свернул на дорожку, ведущую к их дому. Поджарый пес выскочил из-под колес и бросился вперед.

Две фермерские овчарки тут же вылетели ему навстречу. Все трое резко остановились, выпрямив лапы, и стали медленно кружить на месте, вышагивая с царским достоинством и настороженно принохиваясь. Повозка подъехала к проволочной ограде цветника и остановилась. Беспородный пес, почувствовав численное преимущество врага, поджал хвост и с оскаленной пастью вернулся под телегу.

Возчик крикнул:

— Вы не подумайте, стоит этому псу раззадориться — в бою ему не будет равных!

Элиза рассмеялась.

— Верю! И часто он раззадоривается?

Возчик тоже засмеялся в ответ — весело и от всего сердца.

— Неделями отдыхает!

Он кое-как слез на землю. Кляча и ослик тут же свесили головы, точно увядшие цветы.

Элиза убедилась, что возчик и впрямь здоровяк, каких поискать. Волосы и борода у него были с проседью, но стариком он не выглядел. Его грязный черный костюм весь измялся и обносился. Стоило утихнуть смешливому голосу, как смех пропал и из его глаз. Они были темные и задумчивые, какие часто бывают у моряков и погонщиков. Мозолистые руки — в черных трещинах. Он снял с головы мятую шляпу и сказал:

— Я тут с пути сбился, мэм! Не подскажите, эта дорога выведет меня на лос-анджелесское шоссе?

Элиза встала и убрала секатор в карман фартука.

— Ну да, вывести-то выведет, только покружить придется да реку вброд перейти. Вряд ли ваша упряжка песок одолеет.

— Вы еще не видели, на что способны эти звери!

— Когда раззадорятся? — уточнила Элиза.

Здоровяк коротко улыбнулся:

— Ага, вот именно.

— Словом, вы сэкономите время, если вернетесь на дорогу до Салинаса, а уж оттуда выберетесь на шоссе.

Возчик провел большим пальцем по проволочному забору, и тот загудел.

— А я никуда не тороплюсь, мэм. Я каждый год езжу из Сиэтла в Сан-Диего и обратно. Все время на дорогу уходит. По полгода трясусь в телеге: за хорошей погодой гоняюсь, так-то.

Элиза сняла перчатки, запихнула их в карман с секатором и тронула краешек своей мужской шляпы: не выбились ли волосы?

— Славно вам живется, должно быть, — сказала она.

Здоровяк доверительно перегнулся через забор.

— Может, заметили надпись на моей повозке? Я починкой кухонной утвари промышляю. Точу ножи, ножницы. Найдется работенка?

— А-а, нет! — выпалила Элиза. — Нечего мне чинить. — Она посмотрела на него с вызовом.

— Самое сложное — это ножницы, — пояснил здоровяк. — Люди их только портят почему зря, когда пытаются наточить, а я свое дело знаю. У меня особый инструмент. Патентованный! Ножницы как новенькие будут.

— Нет, спасибо, мои и так острые.

— Очень рад. А вот взять кастрюли! — с жаром продолжал он. — Щербатые, дырявые, погнутые — я всякие чиню, можно хорошо сэкономить на новых.

— Нет! — отрезала Элиза. — Я же сказала, нет у меня для вас работы.

Его лицо все осунулось в напускной скорби. В голосе послышались плаксивые нотки:

— Я сегодня за весь день ничегошеньки не заработал! Глядишь, так голодным и лягу спать. Понимаете, я же сбился с дороги. Там, где я обычно езжу, люди меня знают и ждут. Нарочно приберегают вещи на починку, потому что я хороший мастер и всегда им деньги сэкономлю.

— Извините, — с досадой ответила Элиза, — но у меня ничего нет.

Взгляд здоровяка оторвался от ее лица и стал блуждать по земле, пока не наткнулся на клумбу с хризантемами.

— А что это за растения, мэм?

Досада и вызов мгновенно исчезли с лица Элизы.

— О, это хризантемы, гигантские белые и желтые, я их каждый год выращиваю. У меня самые лучшие в округе!

— Это такие большие цветы на длинных стеблях? Еще на облачка цветного дыма похоже?

— Ну да, они. Как вы интересно их описали!

— Только пахнут ужасно, особенно с непривычки.

— Выдумали тоже, — обиделась Элиза, — приятный горьковатый запах!

— Да нет, мне и самому нравится! — спохватился здоровяк.

— В этом году у меня десятидюймовые уродились, — похвасталась Элиза.

Он опять перегнулся через забор.

— Слушайте, у меня неподалеку знакомая дама живет, садик у нее — загляденье! Цветы какие хочешь растут, а вот хризантем нет. В прошлом году я ей чинил медную лохань (задача непростая, но я свое дело знаю), а она и говорит: «Если увидишь где красивые хризантемы, попроси для меня немножко семян». Так и сказала.

Глаза у Элизы тут же загорелись.

— Видать, ничего она в хризантемах не понимает! Их, конечно, можно и из семян вырастить, да только гораздо проще посадить сразу вот такой саженец.

— А-а... Значит, ничего не выйдет.

— Отчего же! — воскликнула Элиза. — Я вам дам несколько, посажу в мокрый песок, а вы довезете. Если их поливать, они хорошо приживутся. А потом ваша знакомая их пересадит куда нужно.

— О, она будет очень рада! Красивые, говорите?

— Очень, очень красивые! — Ее глаза сияли. Она стянула с головы мятую шляпу и потрянула красивыми темными волосами. — Я посажу их в цветочный горшок, а вы отвезете. Пройдите во двор.

Пока здоровяк шел к деревянным воротам, Элиза взволнованно побежала по обсаженной геранью дорожке к задней части дома. Вернулась она с большим красным горшком. Забыв про перчатки, она присела к новой клумбе и голыми руками набрала в горшок песчаной земли, потом взяла горсть только что заготовленных саженцев, сильными пальцами вжала их в землю и прикопала. Здоровяк к этому времени уже стоял над ней.

— Я вам расскажу, что надо делать. Запомните хорошо и объясните своей знакомой.

— Попробую!

— Тогда слушайте. Примерно через месяц они приживутся, и тогда их можно будет рассадить. Сажать надо примерно в футах друг от друга и в хорошую плодородную почву. Вот как эта. — Элиза показала ему горсть черной влажной земли. — Тогда они быстро вымахают. А вот главный секрет, запомните и передайте своей знакомой: в июле хризантемы надо срезать. Оставить дюймов восемь над землей.

— До цветения? — удивился ее новый знакомый.

— Вот именно! — Лицо Элизы все напряглось от волнения. — Они заново вырастут, не переживайте! А в конце сентября завяжутся первые бутоны.

Она умолкла и как будто растерялась.

— Завязывание бутонов — самый ответственный момент, — нерешительно проговорила Элиза. — Не знаю, как это объяснить... — Она посмотрела ему в глаза. Ее губы чуть приоткрылись, она словно к чему-то прислушивалась. — Но я попробую... Вы когда-нибудь слышали такое выражение: «зеленые руки»?

— Наверяд ли, мэм.

— Ну, я могу только ощущение описать. Оно наступает, когда надо отщипнуть все лишние бутоны. Как будто щекотание в кончиках пальцев... Пальцы сами все делают, а ты за ними только смотришь... Они перебирают, перебирают бутоны... И нипочем не ошибутся. Они словно сами превращаются в растение, понимаете? Сливаются с ним в одно целое. И ты это чувствуешь руками. Им лучше знать. Они не ошибаются. Ты это чувствуешь. С таким настроем непременно все сделаешь правильно. Понимаете? Вы понимаете?

Элиза стояла на коленях и смотрела на него снизу вверх. Ее грудь страстно вздымалась.

Возчик прищурился и застенчиво отвел взгляд.

— Может, и понимаю... По ночам в повозке мне иногда...

Элиза его перебила.

— Я никогда не жила такой жизнью, как ваша, но я могу понять... — проговорила она с томлением и хрипотцой в голосе. — Ночью так темно, и только звезды... они такие колючие, вокруг тихо-тихо! А вы встаете, распрямляетесь... И каждая

колючая звездочка впивается в ваше тело! И от них так горячо и больно, но все равно... чудесно!

Элиза стояла перед ним на коленях, и вдруг ее рука двинулась к его ногам в засаленных черных штанах. Элиза почти тронула ткань, но в последний миг уронила руку и вся сжалась, как побитая собака.

— Ну да, славно бывает, дело вы говорите. Только без ужина по ночам не очень-то славно.

Тогда Элиза резко поднялась, пряча красное от стыда лицо, и бережно протянула ему цветочный горшок.

— Вот, поставьте его в повозку на сиденье — чтобы приглядывать. Мало ли, вдруг опрокинется. Подождите немного тут, я поищу для вас какую-нибудь работу.

Вернувшись в дом, Элиза разворошила гору посуды, выудила оттуда две помятые алюминиевые кастрюльки и отнесла их мастеру.

— Вот, сможете починить?

Тот сразу переменялся в лице и голосе.

— Станут как новенькие! — произнес он важно, со знанием дела.

Установив в задней части своей повозки небольшую наковальню, он вытащил из промасленного ящика для инструментов маленький механический молот и принялся за работу. Элиза вышла за ворота посмотреть, как он чинит ее кастрюли. Трудился он с суровым, знающим видом, а в самых сложных местах прикусывал нижнюю губу.

— Вы спите прямо в повозке? — спросила Элиза.

— Ну да, мэм, в повозке. Мне в ней ни дождь, ни зной не страшен.

— Славно вам, наверное, живется, — проговорила она. — Жаль, нам так жить не полагается.

— Да что вы, не женское это дело!

Элиза приподняла верхнюю губу, обнажив зубы.

— А вам откуда знать? Что вы вообще понимаете?

— Правильно, мэм! — оскорбился мастер. — Откуда мне знать? Вот ваши кастрюльки, держите. Теперь и новых покупать не надо!

— Сколько с меня?

— Полтиной обойдусь! Я цены не задираю, а работаю справно. Поэтому у меня всюду столько довольных клиентов.

Элиза принесла из дома пятьдесят центов и дала их мастеру.

— Знаете, а у вас может появиться конкурент. Я тоже умею точить ножницы. И битые кастрюли выпрямлять. Я бы вам показала, на что способны женщины!

Мастер положил молоток обратно в ящик и убрал подальше наковаленку.

— Нет, мэм, для женщины такая жизнь слишком одинокая. И страшная — под повозкой всю ночь шебуршит всякая живность. — Он перелез через валёк, держась за белый ослиный круп, устроился на сиденье и взял в руки поводья. —